

А.Р.Михеева

Институт Экономики и организации
промышленного производства СО РАН
пр. акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

РОЖДАЕМОСТЬ И БРАЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ СИБИРИ. ОПЫТ АНАЛИЗА НА МАКРО- И МИКРОУРОВНЕ

Введение

В жизни любого общества экономическая и демографическая компоненты проявляют относительную согласованность, но в то же время и относительную автономность в процессе исторического развития. С одной стороны, это - социально-экономическое устройство общества и уровень экономического развития, с другой – демографическая ситуация, режим воспроизводства населения. Изучение и экономической, и демографической составляющих жизни общества включает в себя анализ:

- количественных сдвигов, происходящих на макроуровне, (социетальном, поскольку если речь идет о массовых событиях, институциональной структуре)
- качественных перемен в структуре поведения, нормах, установках, представлениях людей – на микроуровне, в семье, в индивидуальных жизненных траекториях, будь это экономические или демографические аспекты жизни людей.

Как компоненты исторического развития экономическая и демографическая сферы жизни общества взаимосвязаны и взаимосвязь эта объективна. Важным основанием, на котором базируется гипотеза относительной автономности демографического развития общества, является двойственная природа массовых процессов рождаемости и смертности¹ – биологическая и социальная.

На современном этапе развития (общества, экономической науки) принято считать, что процесс воспроизводства населения происходит под определяющим влиянием социально-экономических факторов. Поэтому, с одной стороны, динамика демографических процессов обычно рационально «привязывается» к состоянию экономики общества в целом и отдельных территорий, с другой стороны – величина трудового потенциала территории (как экономической части населения) считается важным фактором экономического развития. Такой «двухсторонний» анализ демографических процессов («на входе и на выходе») является неотъемлемой частью экономических, экономико-социологических, социолого-демографических и демографических исследований.

В этом смысле современные процессы воспроизводства населения в Сибири, как и во всей России, можно охарактеризовать как остро проблемные – отрицательный естественный прирост в результате высоких показателей смертности и низких показателей рождаемости, «постарение» возрастной структуры. Поскольку эти процессы происходят на фоне более общих глубоких и болезненных экономических и социальных перемен, то и неудивительно, что зачастую их рассматривают как прямое следствие этих перемен. (Причем речь идет не только об идеологах, публицистах, обывателях, но и о политиках, экономистах, социологах).

От понимания того, зависит ли современная демографическая ситуация в Сибири и России в целом от происходящих в стране социально-экономических перемен, кризисов и каков механизм этой зависимости, должна выявиться и картина демографического настоящего и будущего Сибири и России. «Если речь идет о простой реакции на экономический и социальный кризис 90-х гг., то можно надеяться, что по мере преодоления этого кризиса улучшится и демографическая ситуация. Если же главные демографические

---

¹ Именно на идее относительной автономности экономической и демографической сфер зиждется тезис Ф. Энгельса о том, что *воспроизводство как базис общества* включает в себя *воспроизводство средств для жизни* и *воспроизводство самой жизни, семью* (Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1978).

тенденции имеют более глубокие причины и более давнее происхождение, то, возможно, нет и оснований для подобного оптимизма»². Достаточно вспомнить, что самый низкий уровень рождаемости демонстрируют наиболее богатые страны. Так что, для понимания происходящего на социетальном (макро-) уровне надо рассматривать все главные демографические процессы, участвующие в формировании населения – смертность, рождаемость и миграцию в Сибири (и в России) в двух контекстах: внутрirosсийском и глобальном.

Следующий момент, который необходимо принимать во внимания при исследовании современной демографической ситуации, это то, что макроуровневые показатели рождаемости, брачности, миграции, фиксируемые государственной статистикой и переписями населения, складываются в результате поведения людей в соответствующих сферах их частной жизни – на микроуровне. И это индивидуальное поведения людей в сфере семьи, брака (репродуктивное, брачное, семейное поведение), является предметом изучения социологии семьи, брака, социологии частной жизни.

Во второй половине XX в. в индустриальных странах, в России в том числе, брак и семья претерпели глубокие изменения. Важнейшая отличительная черта брачного поведения – поздний возраст вступления в брак – в странах Запада повсеместно усугубилась, а в последние годы брак стал «стареть» и в Восточной Европе, и в России. Разводы стали широко распространенным явлением повсюду; Россия по уровню разводимости занимает второе место в мире, после США. Супружество более не обязательно предполагает совместное проживание, совместное проживание возможно без заключения брака, рождение детей далеко не всегда происходит в официально зарегистрированном браке. На место стандартной последовательности событий, формирующих семью, в индивидуальных биографиях приходит разнообразие индивидуальных жизненных путей.

Но вместе с тем показатели на глобальном уровне, характеризующие большие группы стран или такие неоднородные общества, как российское, демонстрируют удивительную схожесть макроуровневых характеристик. Более того, перестают «срабатывать» такие ранее общепризнанные факторы дифференциации демографического поведения, как уровень благосостояния, национальность, образование, занятость вне дома, квалификация, место проживания (город-село). Сглаживается и региональная дифференциация демографических показателей.

Цель данной работы – выявить тенденции рождаемости и брачности населения Сибири за период 1990-2002 гг. как важнейших составляющих процесса воспроизводства населения здесь; попытаться объяснить суть этих тенденций с позиций теорий макроуровня (на фоне глобальных демографических процессов), а также – с точки зрения социологии семьи, частной жизни, повседневности (микроуровня).

Рождаемость и брачность: современные взаимосвязи на макроуровне

Регулирование брачности испокон веков было одним из сильнейших средств воздействия на течение процесса рождаемости. Нормы и правила брачного, репродуктивного, семейного поведения в традиционных обществах были таковы, что сексуальные отношения разрешалось иметь только в браке, брак был пожизненным, вступление в брак было неразрывно связано с немедленным и нерегулируемым рождением детей. Эти выработанные веками нормы, правила поведения в сфере частной жизни поддерживались и довольно жестко контролировались религией, государством, законами: институционализация брака и семьи произошла на заре истории человечества.

На ранних стадиях демографического перехода (от высоких уровней смертности и рождаемости на низкие) в европейских странах (XVIII-XIX вв.) массовый характер приняло

---

² Вишнеvский А.Г. Демографические процессы в социальном контексте / Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тезисы докладов научной конференции. М. 2002, 4-6.

откладывание браков как мера регулирования рождаемости³. На последующих этапах распространилось внутрисемейное регулирование деторождений и уровень брачности стал постепенно утрачивать свое значение как фактора рождаемости (но продолжает сохранять смысл характеристики социального благополучия в обществе).

В результате (первого) демографического перехода, произошло существенное снижение рождаемости в большинстве европейских стран. К 1930-м годам и рождаемость, и смертность были в этих странах на низком уровне.

Для России откладывание брака, как способ регулирования рождаемости, не был характерен никогда – брачность всегда была ранней и практически всеобщей. Более распространенным в России способом было и остается внутрисемейное регулирование деторождения.

В XX веке устойчивости характеристик ранней брачности в России способствовало ослабление традиционных запретов на добрачные сексуальные отношения (1920-е гг., а также войны и другие социальные пертурбации). На фоне невысокой культуры контрацепции добрачные зачатия стимулировали и ранние браки. Но далеко не все до- и внебрачные зачатия приводили раньше и приводят в наше время к свадьбе; многие из них заканчиваются абортom или внебрачным рождением.

Внебрачные рождения стали довольно распространенными явлениями в России в военные и послевоенные годы (1945-1959 гг.). Затем их уровень значительно снизился, но с 1980-х годов начал постепенно повышаться и к концу XX в. уже составлял 28-30 % от всех рождений⁴. Аналогичная ситуация с внебрачными рождениями происходит в это время и в большинстве европейских стран, причем во многих странах, например, Швеции, Франции, Великобритании доля внебрачных рождений составляет от 40-50 до 70-80 %. По мнению исследователей – демографов и социологов, современные внебрачные рождения не всегда обозначают, что ребенок растет в семье матери-одиночки. Зачастую это происходит в том случае, когда родители ребенка являются партнерами-сожителями, не заключившими официальный брак. И этот процесс – распространение незарегистрированных бракоподобных союзов – приобретает массовый характер как в России, так и в европейских странах, где уровень рождаемости составлял 10 - 12 ‰. До 1980-х гг. такие процессы наблюдались в Дании, Швеции, странах Северной Европы. С середины 1980-х отказы от официального брака стали распространяться в Греции, Португалии, Испании. В некоторых странах: Дании, Испании, Швеции, Великобритании и др. такие союзы легализованы (институционализированы), т.е. юридически являются семьей. Однако, рождения детей, происходящие в таких семьях фиксируются статистикой как «внебрачные», поскольку родители не состоят в официальном браке.

Специфические черты трансформации институтов брака и семьи, проявляющихся на макроуровне в тенденциях брачности и рождаемости в Европе оказались настолько схожими для многих стран, что весь процесс теперь называют *вторым демографическим переходом*⁵. Начало второго демографического перехода можно условно установить с середины 60-х годов XX в., после Второй мировой войны и после «бэби-бума», последовавшим за ней. Принципиальная количественная черта второго перехода – снижение рождаемости от уровня немного выше простого воспроизводства – 2,1 рождений на женщину, что устанавливалось балансом рождений и смертей, а население сохранялось постоянным (стационарным) продолжительное время – до уровня ниже простого воспроизводства. Анализ глобальных тенденций, проведенный С. Ивановым, показывает, что «в настоящее время коэффициент суммарной рождаемости (КСР) опустился ниже двух детей на женщину во всех европейских странах (кроме Албании), в Северной Америке, всех странах Восточной Азии

³ Хаджнал Дж. Европейский тип брачности / Брачность, рождаемость, семья за 3 века. М., Статистика, 1979, 14-70.

⁴ Иванова Е., Михеева А. Внебрачное материнство в России // *Мир России. Социология. Этнология*. Т. VII, № 4, 1998 (20), 167-174.

⁵ Van de Kaa, D.J., Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*, 1987, Vol.42, No. 1.

(кроме Монголии), Австралии и Новой Зеландии. Кроме того, рождаемость снизилась ниже этого порога в 4-х из 7 бывших республик СССР, расположенных в Азии, шести Карибских государствах и трех африканских странах. Вследствие завершения демографического перехода ... число стран с уровнем рождаемости, недостаточным для полного замещения поколений, выросло с 13 в 1970 г. до 66 в 2002 г.»⁶

Среди развитых стран С. Иванов выделяет 3 группы:

- страны с рождаемостью «почти достаточной для возобновления поколений» (Австралия, Ирландия, Новая Зеландия и США);
- страны со «средней» рождаемостью, характерной для Северной и Западной Европы, где КСР находится в интервале от 1,5 (Нидерланды, Великобритания (Соединенное Королевство), Финляндия) и 1,8 (Дания, Норвегия, Франция);
- остальные страны, где рождаемость наиболее низка, причем в некоторых из них КСР не превышает 1,2 (Болгария, Гонконг, Латвия, Италия, Испания, Россия, Чехия).

Несколько иную типологию рождаемости – с учетом уровня общего показателя рождаемости, возрастного профиля и календаря рождений – строит в своем анализе И. Калабихина:

- западноевропейский тип – характеризуется: а) «старой» рождаемостью (более старшим возрастом при рождении (первых) детей), б) высокой долей сознательной (не биологической) бездетности, в) низким уровнем рождаемости – более эффективным внутрисемейным регулированием;
- восточноевропейский тип – характеризуется: а) «молодой» рождаемостью (более младшим возрастом при рождении (первых) детей), б) сравнительно низкой долей сознательной бездетности, в) низким уровнем рождаемости, но неэффективным внутрисемейное регулирование деторождения;
- азиатский тип – характеризуется: а) низким возрастом матери при первых рожденьях, б) низкой долей сознательной бездетности, в) относительно высоким уровнем рождаемости.

В рамках этой классификации И. Калабихина относит Россию к «восточноевропейскому» типу. Если рождаемость остается ниже уровня воспроизводства, что наблюдается в Европе и в России, и не компенсируется иммиграцией, то численность населения рано или поздно будет снижаться, как это происходит уже с начала 1980-х гг. в Австрии, Дании, Германии (ФРГ) и Венгрии. На рубеже веков отрицательный прирост населения наблюдался и в других, в основном, восточно-европейских странах. Изменения в двух других переменных, которые формируют численность населения этих стран – смертности и миграции – имеют относительно небольшое значение во время второго демографического перехода.

Как видно, в России в последней четверти 20 века процессы в сфере брачности и рождаемости были в целом аналогичные европейским. Аналитики выделяют специфические российские этапы макроуровневых изменений брачности и рождаемости: направления (типы) изменений и соответствующие им значения показателей. (Главная специфически российская черта трансформации состоит в том, что здесь институциональные изменения брака и рождаемости на всех этапах происходят на фоне

относительно высокой смертности⁷). Так, С. Захаров выделяет временные этапы и соответствующие им количественные и качественные характеристики брачности и

⁶ Иванов С. Новое лицо брака в развитых странах. // Население и общество, Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, № 63, июнь 2002. Москва-Париж.

⁷ Особенно явно эти кризисные тенденции наблюдаются с 1980-х гг., но как ни странно, они тревожат общественное и научное мнение в России гораздо меньше, чем тенденции рождаемости. Например, А.И. Антонов, В.И.Медков и А.Б. Синельников пишут, что «неверно считать снижение смертности до европейского уровня ... преимущественным средством борьбы с убылью населения. Таковым является лишь повышение нынешней рождаемости...» (Антонов А.И., Медков В.И., Синельников А.Б. Репродуктивное поведение и

рождаемости в России по степени модернизационных изменений – в терминах первого и второго демографических переходов⁸:

- первый демографический переход: снижение рождаемости в России началось в середине XIX века – в среднем, на 30-40 лет позднее, чем в европейских странах, с более высокого уровня, по сравнению с ними, но и более интенсивно – примерно за 70 лет произошел переход на низкую рождаемость (КСР=2 был уже у поколений женщин, родившихся во второй половине 1920-х и в 1930-е гг.).
- второй демографический переход: новейшие тенденции в эволюции рождаемости в России обнаруживаются с середины 1990-х гг. Его (перехода) индикаторы-предикаторы:
  - + быстрое снижение рождаемости в самых молодых возрастах,
  - + откладывание рождения первенца в реальных поколениях,
  - + быстрое повышение возраста вступления в первый брак,
  - + сильное сокращение числа аборт на фоне падения рождаемости в возрасте до 25 лет;
  - + возрастание вклада старших возрастных групп матерей в итоговую рождаемость;
  - + уменьшение доли «вынужденных» браков, стимулированных внебрачными зачатиями.

Оценивая взаимосвязи брачности и рождаемости с экономической, политической, социальной ситуациями в России и в других странах, (на макро- и микроуровнях) С. Захаров, А. Вишневский, С. Иванов и др. демографы единодушны в том, что формирование семьи и рождение детей у будущих поколений все в меньшей степени будет зависеть от макроэкономических и социально-политических параметров среды, не зависящих от индивида. «В своем демографическом поведении человек будет руководствоваться, вероятнее всего, нематериалистическими ценностями, «настраивая» индивидуальный календарь демографических событий на изменение конкретных и многообразных жизненных обстоятельств»⁹.

А. Антонов и В. Медков предлагают разделить весь период снижения рождаемости в России на 3 периода, в зависимости от типа репродуктивного поведения семьи, но в терминах «полезностной» парадигмы, или «потребности в детях»¹⁰:

- период многодетности (конец XIX века-1930-е годы) – снижение КСР с 7,06 до 4,42;
- период среднетности (1940-е - середина 1960-х годов) – рождаемость продолжает падать – до 2,62, но снижение «тормозится» послевоенным компенсаторным подъемом брачности и рождаемости, положительным влиянием структурных факторов. Однако, «потребность в детях» продолжает ослабевать;
- период малодетности (конец 1960-х – настоящее время) – потребность в двух детях распространяется во всех слоях общества; КСР продолжает безостановочно снижаться с 2,05 (1969г.) до 1,79 (1978 г.) и далее до 1,35 (1995 г.) и 1,17 (1999).

Главная качественная (поведенческая) черта второго перехода, проявляющаяся в статистических показателях, – это изменение общепринятой последовательности и смысле событий, участвующих в процессе формирования семьи. Дирк ван де Каа выделяет здесь четыре принципиальных момента¹¹:

- 1) поворот от «золотого века» брака к распространению сожительства и его оборотной стороны – внебрачным рождением;
- 2) поворот от детоцентристского типа семьи к супружеской семье с ребенком, где

динамика рождаемости /Население России на рубеже XX-XXI веков. Проблемы и перспективы. Под ред В.А. Ионцева, А.А. Саградова. М. 2002, 157-201.

⁸ С.В. Захаров. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход. / Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тезисы докладов научной конференции. М. 2002, 19-26.

⁹ Там же, с. 22.

¹⁰ Антонов А.И., Медков В.И. Репродуктивное поведение и динамика рождаемости, с. 166-167.

¹¹ Van de Kaa, D.J., Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin, 1987, Vol.42, No. 1, p. 9.

- центром отношений являются чувственные, любовные (супружеские);
- 3) поворот от контрацептивного поведения, как предупреждающей зачатие компоненты репродуктивного поведения к контрацепции, как самоценной компоненте сексуального поведения;
- 4) поворот от единообразия моногамии к плюрализму форм семьи и домохозяйства.

Из теоретических представлений, объясняющих изменения в демографической сфере, следует, что если количественные значения показателей рождаемости и брачности проявляют некоторые колебания или региональную специфику, то, скорее всего это результат влияния существующих еще структурных факторов (например, более молодого состава населения). Другой причиной, связанной с первой, является влияние тех или иных конъюнктурных (недемографических) факторов¹², а не принципиальный поворот в ходе трансформации норм и правил поведения людей в семье, в частной жизни.

Динамика рождаемости и брачности в Сибири в 1990-2002 гг.: общее и особенное с позиций макроуровня

Основная задача (идея) анализа тенденций рождаемости и брачности в Сибирском регионе в сравнении с РФ в целом, с другими странами, состоит в том, чтобы показать, что на нынешнем этапе развития демографической сферы региона (в конце 1990-х годов – начале 2000-х) существенно сглаживается и внутренняя российская (региональная), и межстрановая дифференциация.

Задача эта усложняется тем, что за рассматриваемый период изменилось административно-территориальное деление региона Сибирь, а именно: те области, края и автономные округа, входящие в регионы «Западная Сибирь» и «Восточная Сибирь» в 1998 г. были объединены в Сибирский Федеральный округ; из прежнего состава региона «Западная Сибирь» была исключена Тюменская область, приписанная тогда к Уральскому Федеральному округу.

Поэтому, насколько это возможно, при анализе региональных процессов рождаемости и брачности я попыталась придерживаться сопоставимости, имея в виду население одних и тех же административных территориальных единиц (АТЕ). Для этого (в силу возможного корректирования статистики) данные, относящиеся к началу и середине анализируемого периода (1990, 1995 гг.), являются материалами, объединенными по регионам «Западная Сибирь» и «Восточная Сибирь» с исключением данных по Тюменской области. Материалы 2002 г. в статистических сборниках даются уже как относящиеся к Сибирскому Федеральному округу (СФО).

Как видно, теперь регион Сибирский ФО, в отличие от прежнего региона «Западная Сибирь» состоит из довольно неоднородных групп населения - по степени прохождения демографического перехода. Но, в то же время, здесь представлены такие уникальные в демографическом смысле территории, как, например, республика Тыва и республика Хакасия, где уже в 1980-х годах внебрачная рождаемость была самая высокая в России и в СССР в целом.

Особенности региональных демографических процессов с позиций концепции демографических переходов рассматривает в своих работах С. Захаров¹³. Его работа базируется на результатах статистического анализа большого числа региональных демографических показателей за почти вековой период времени (КСР, нетто-коэффициент воспроизводства – НКВ, коэффициент материнской смертности – КСМ, индексов Коула и

¹² Несомненно, что в России, как и в других восточноевропейских странах, таким фактором-«катализатором» послужили политические и экономические преобразования, начавшиеся в конце 1980-х гг.

¹³ Захаров С.В. Эволюция региональных особенностей воспроизводства населения России. Автореф. канд. дисс. М., 1990, 26 с. Захаров С.В., Иванова Е.И. Региональная дифференциация рождаемости в России: 1959-1994 гг. // Проблемы прогнозирования, 1996, № 4, 109-130.

МИКРОЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

др.). В результате анализа автор построил типологию административно-территориальных единиц России и делает выводы, важные для целей современного анализа и понимания «сибирских» тенденций и закономерностей на макроуровне.

Таблица 1.

Классификация АТЕ по уровню КСР, в среднем за 1959-1992 гг.

№ группы	КСР	Коэффициент вариации, %	Минимальное значение	Максимальное значение	Число АТЕ, всего по РФ	Области, края и автономные округа СФО *
1 город/ село	2,39/	9,50/	2,12/	2,69/	8/	Тува, Бурятия/
	3,77	9,46	3,52	4,51	9	Тува, Бурятия, Якутия, Читинская, Иркутская области
2 город/ село	1,96/	3,59/	1,91/	2,07/	14/	Якутия, Иркутская, Читинская,
	3,13	2,54	3,02	3,28	10	Кемеровская области / Омская обл.
3 город/ село	1,85/	1,04/	1,81/	1,90/	19/	Красноярский край,
	2,79	4,69	2,60	2,98	27	Омская обл. / Кемеровская, Томская, Новосибирская области, Алтайский край
4 город/ село	1,75/	2,13/	1,70/	1,80/	17/	Алтайский край,
	2,41	3,97	2,22	2,57	22	Новосибирская обл./ -
5 город/ село	1,65/	3,37/	1,53/	1,70/	16/	Томская обл./
	1,76	4,10	1,66	1,83	3	-

* Названия АТЕ по состоянию на 1992 г. (как у С. Захарова)

- Главная тенденция состоит в многократном уменьшении региональной дифференциации по сравнению с допереходным состоянием (З.С. с.18);
- Дифференциация коэффициента суммарной рождаемости в РФ на рубеже 1990-х годов составляла 1,727: от 1,496 (Московская область) до 3,223 (республика Тыва);
- Административно-территориальные единицы СФО размещаются во всех пяти типах регионов по уровню КСР, начиная с самого высокого (Тува, Хакасия, Якутия, Бурятия и др.) и до самого низкого по уровню рождаемости (Новосибирская, Томская области), Алтайский край;
- Население Новосибирской области относится к четвертому (городское) и к третьему типу (сельское).

Статистические данные, на основе которых С. Захаров строит типологию регионов и делает обобщения, относятся к периоду до 1992 г. В следующий период – 1990-е годы и начало 2000-х годов – эти тенденции продолжились; возможно, произошло ускорение переходных процессов. Этот период можно охарактеризовать для России и в том числе Сибири, для стран СНГ, для восточноевропейских стран как экономически и политически «кризисный»; в западноевропейских странах особых кризисов не происходило. Но

тенденции брачности и рождаемости, проявляющиеся на протяжении всего XX в., во всех обществах продолжают свою траекторию: «конвергенция регионов как на межстрановом, так и на внутривнутристрановом уровне преобладает над дивергенцией»¹⁴.

Сибирский Федеральный округ в 2002 г. занимал второе место в РФ по уровню рождаемости, вслед за Южным ФО. Высокий уровень рождаемости в Сибири складывается за счет практически всех сибирских национальных (автономных) округов (табл. 2). В Новосибирской же области значение коэффициентов рождаемости (общих и суммарных) довольно низкие (табл.2, 3).

Таблица 2

Динамика общих коэффициентов рождаемости, (число родившихся на 1000 населения)

	1990	1995	1999	2002	Место, занимаемое в РФ в 2002
РФ	13,4	9,3	8,3	9,8	
СФО	14,6	9,9	9,1	10,7	2
В т.ч. Респ. Тыва	26,2	20,0	15,7	18,4	2
Респ. Алтай	19,2	14,2	13,4	15,8	4
Агинский Бур.окр.	24,1	16,9	14,7	15,1	5
НСО	12,9	8,5	7,9	9,9	42
Южный Фед.Округ	16,6	11,6	9,7	11,0	1
В т.ч. респ Дагестан	26,2	21,9	17,9	18,1	1
Респ. Ингушетия+ Чечня	24,6	23,8	16,4	16,1	3
Ростовская обл.	12,5	9,2	7,6	9,0	59

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. статистический сборник, Москва, 2003, 56-57.

Начиная с 2000 г. численность родившихся повышается – в России в целом, практически во всех регионах, и в Сибири также. Судя по уже имеющимся оценкам, это повышение продолжается и в настоящее время. Соответственно, растет и общий коэффициент рождаемости. Главной причиной этого роста все аналитики признают «демографическую волну», т. е. многочисленность поколения 1980-х гг. рождения, вступивших в репродуктивный возраст на рубеже XX-XXI веков. Так что нынешние большие числа родившихся были в большой мере предсказуемы и ожидаемы; вопрос в том, как долго они будут удерживаться на таком уровне.

Таблица 3

Динамика коэффициента суммарной рождаемости по регионам РФ

Годы Регионы	Все население	Городское население	Сельское население
1989-1990			
РФ	1,950	1,766	2,587
СФО	2,109	1,882	2,848
НСО	1,873	1,688	2,593
1995			
РФ	1,344	1,207	1,788
СФО	1,412	1,269	1,853

¹⁴ Захаров С.В., Иванова Е.И. Региональная дифференциация рождаемости в России: 1959-1994 гг. //Проблемы прогнозирования, 1996, № 4, 110.

МИКРОЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

НСО	1,223	1,104	1,631
2001			
РФ	1,249	1,173	1,481
СФО	1,283	1,185	1,549
НСО	1,190	1,099	1,477

Демографический ежегодник России, Статистический сборник, Москва, 1996, с. 92-101.
 Демографический ежегодник России, Статистический сборник, Москва, 2002, с. 150-159.

Ответ на этот вопрос зависит от того, какие тенденции наблюдаются в возрастном профиле рождений. Если согласиться с тем, что население Сибири и даже населения ее национальных территориальных образований идет по пути демографического перехода, то можно ожидать сдвиг рождений от младших материнских поколений к старшим. На российском уровне в целом данная тенденция уже заметна: для женщин младше 25 лет коэффициенты рождаемости неуклонно снижаются, а для более старших групп (и даже в группе 40-44-летних женщин) с середины 1990 гг. появляется тенденция роста коэффициентов. Аналогичная динамика уже прослеживается на рубеже веков и в населении СФО, и в населении НСО (табл.4).

Таблица 4.

Возрастные коэффициенты рождаемости по регионам РФ

Регионы	Родившиеся живыми на 1000 женщин в возрасте, лет								
	15-17	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	15-49
годы									
РФ									
1989-1990									
все население	...	55,6	156,8	93,2	48,2	19,4	4,2	0,2	59,8
гор. насел.	...	48,1	141,5	86,0	44,2	17,0	3,4	0,1	49,3
сельс. насел.	...	83,2	207,5	116,3	62,0	28,3	7,6	0,3	76,5
1995									
все население	...	45,6	113,5	67,2	29,7	10,7	2,2	0,1	36,0
гор. насел.	...	39,8	101,7	61,5	27,1	9,4	1,8	0,1	32,1
сельс. насел.	...	62,4	154,5	84,3	37,9	14,7	3,6	0,3	49,3
2001									
все население	...	28,1	95,4	71,5	43,5	13,1	2,4	0,1	33,7
гор. насел.	...	24,4	89,4	68,5	31,1	11,1	2,2	0,1	31,6
сельс. насел.	...	37,8	114,1	81,6	49,4	15,7	3,3	0,2	40,3
СФО*									
1989-1990									
все население	22,3	64,2	172,3	99,8	55,3	23,6	5,9	0,3	62,4
1995									
все население	20,9	52,4	119,6	67,7	26,8	11,1	2,4	0,2	38,4
2001									
все население	12,9	33,2	99,4	70,9	38,0	12,4	2,4	0,1	35,7
НСО*									
1989-1990									
все население	19,1	55,8	156,3	91,9	47,5	18,6	4,4	0,1	55,1
1995									
все население	17,4	44,9	106,1	58,5	24,2	9,1	1,8	0,1	32,6
2001									
все население	10,9	28,8	91,4	70,0	34,4	11,1	2,2	0,1	32,8

* - Централизованная разработка региональных статистических данных по городскому и сельскому населению отсутствует

«Постарение» рождаемости относится к тем фундаментальным тенденциям, на основе которых можно делать выводы о глобальных изменениях в демографической сфере общества (на макроуровне). В середине 1990-х годов, когда эта тенденция для России в целом только наметилась, аналитики осторожно оценивали ее устойчивость, поскольку все еще сказывались конъюнктурные сдвиги тайминга рождений, произошедших (реализованных

семьями) в 1980-гг. под действием мер социально-демографической политики тех лет¹⁵. Затем, на рубеже веков, линия на снижение рождаемости у молодых матерей продолжилась; одновременно росли коэффициенты рождаемости у женщин старших возрастных групп. Аналогичные тенденции в динамике возрастного профиля рождаемости наблюдались во многих европейских странах в последней трети XX в. (табл.5).

Таблица 5

Динамика вклада матерей в возрасте до 25 лет в итоговую рождаемость в России и некоторых странах Европы, 1970 – 1999, %

Годы	Россия	Украина	Латвия	Чехия	Фин- ляндия	Фран- ция	Ита- лия	Шве- ция	Испа- ния
1970	42,1	47,8	43,4	57,9	41,0	41,1	32,6	39,8	23,8
1980	49,6	55,2	51,3	60,6	33,8	40,0	36,3	33,3	32,3
1990	56,3	58,9	53,2	59,6	23,3	27,0	23,5	26,0	19,6**
1999	49,4*	57,3**	42,6	38,3	20,5	19,6***	18,2	18,0	13,5***

* 2001г. ** 2000г. *** 1998 г.

Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А.Г. Вишневский. Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН, Центр демографии и экологии человека. М. 2002, с.40-41

В тех странах, где тенденции, характерные для глобального «переходного» процесса, проявляются давно, раньше других – в Швеции, во Франции, в Финляндии – снижение «молодежной» рождаемости происходит на протяжении уже более чем 30 лет. В восточно-европейских странах, включая Россию, «постарение» рождаемости проявилось только в середине 1990-х гг. Сейчас уже можно заметить некоторые черты трансформации возрастной модели рождаемости в России, отличные от западноевропейской, но схожие с модернизацией рождаемости в восточноевропейских странах. Во-первых, это изначально более высокие доли рождений, приходящиеся на младшие материнские поколения. Во-вторых, это «перелом» роли вклада молодых матерей в итоговую рождаемость, наступивший в середине 1990-х годов. В начале XXI века изменение возрастной модели репродуктивного поведения россиянок можно назвать «просто повторением пути, который француженки, немки, итальянки или испанки проделали 15-20 лет назад»¹⁶.

Третья особенность российской переходной модели – высокий процент внебрачных рождений (табл. 6).

Таблица 6

Динамика доли внебрачных рождений, %

Регионы,	годы	Все население	Городское население	Сельское население
РФ	1990	14,6	13,8	16,5
	1995	21,1	21,1	21,3
	2001	28,8	27,8	31,0
СФО	1990*	19,4	17,9	22,6
	1995*	26,8	25,7	29,1
	2001	35,4	32,9	40,7
НСО	1990	17,2	15,8	20,9
	1995	25,3	24,8	26,4
	2001	31,4	28,9	37,3

*в «СФО» включены регионы, входящие в него с 1998 г.

Демографический ежегодник России, 2002, Статистический сборник, Москва, 2002, с. 150-159.

¹⁵ Население России 1996. Четвертый ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А.Г. Вишневский. Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН, Центр демографии и экологии человека. М. 1997, с.83-85.

¹⁶ Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А.Г. Вишневский. Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН, Центр демографии и экологии человека. М. 2002. с. 39-40.

Уровень внебрачной рождаемости в России как высокий оценивается специалистами уже с середины 1980 гг.¹⁷. Для Сибири, и особенно для ее сельского населения и национальных округов, феномен внебрачных рождений значительно более распространен, чем в европейской части и среди городского населения¹⁸. Так, республика Тыва в 1990 и 1995 гг. занимала первое место в России по доле рождений у женщин, не состоящих в браке, среди всех рождений: 36,5 и 46,9 % соответственно. В 2001 г. на первое место вышел Коми-Пермяцкий АО с уровнем внебрачной рождаемости 67,1 %. В республике Тыва в 2001 г. этот уровень был равен 60,4 %, а в сельском населении этой республики – 61,3 %. К народам и этническим группам, в которых распространенность этого феномена значительно выше средней по России, кроме тувинцев и коми-пермяков, относятся буряты, ненцы, эвенки, чукчи, коряки, хакасы, т.е. народы, населяющие Сибирь. Возможно, что рост относительного показателя «обязан» тому, что в этих населенных пунктах происходит рекордно быстрое снижение общего числа родившихся. Вообще, такой более чем двукратный рост показателей внебрачной рождаемости требует специального изучения этого явления. К сожалению, возможности анализа переходных моделей рождаемости, как, впрочем, и брачности на макроуровне в России все более сужаются: построение динамических рядов таких характеристик, как очередности рождений, распределение их по возрасту матери, ее брачному состоянию после 1997 г. стало невозможно. Это связано с введением в 1996 г. нового Закона об Актах гражданского состояния, в соответствии с которым статистикой пресеклись фиксироваться и разрабатываться важные характеристики демографических процессов. Речь идет о названных уже характеристиках очередности рождений по возрасту и брачному состоянию матерей, а также сведения о предыдущем брачном статусе и социальном положении лиц, вступающих в брак, сведения об общих детях и других социальных характеристиках разводящихся. Перестали централизованно разрабатываться данные о возрасте вступающих в брак, многие показатели для городского и сельского населения в отдельности; прекращены многие другие разработки и централизованный анализ демографической статистики. Между тем как раз в середине 1990-х гг. в демографической сфере России стали проявляться практически уникальные для ее развития тенденции.

Так, рост внебрачной на фоне снижения общей итоговой рождаемости является той характерной чертой, которая делает российскую модель демографической модернизации сходной с западноевропейской (табл. 7).

Таблица 7

Динамика доли внебрачных рождений среди всех рождений в России, США и некоторых странах Европы, 1970 – 1999, %

Годы	Россия	США	Латвия	Болгария	Финляндия	Франция	Германия	Швеция	Ирландия
1970	10,6	10,7	11,4	8,5	5,8	6,8	7,2	18,8	2,7
1980	10,8	18,4	12,5	10,9	3,1	11,4	11,9	39,7	5,0
1990	14,6	28,0	16,9	12,4	25,9	30,1	15,3	47,0	14,4
1995	21,1	32,2	29,9	25,7	33,1	37,6	16,1	53,0	28,3
1999	27,9	33,0	39,1	35,1	38,7	40,7	21,6	55,3	30,9

Население России 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А.Г. Вишневский. Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН, Центр демографии и экологии человека. М. 2001, с.47.

¹⁷ Бондарская Г.А., Дарский Л.Е. Брачное состояние женщин и рождаемость / Демографические процессы в СССР. М., 1990.

¹⁸ Михеева А.Р. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние. Новосибирск, ИЭОПП, 1993, с.75-84. Население России 2000. Восьмой ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А.Г. Вишневский. Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН, Центр демографии и экологии человека. М. 2001, с.46.

Специальные социологические обследования, направленные на выяснение, в основном, микроуровневых, личностных аспектов этого феномена, пока не дают полноценных оснований для его объяснения (наш опыт такого исследования содержится в следующем разделе). Основные выводы состоят в том, что рост внебрачных рождений не является свидетельством отказа от семейной, супружеской жизни, от полной семьи. Статистическими данными это подтверждается так, что повышение показателей внебрачной рождаемости не сопровождается таким же быстрым распространением семей одиноких матерей с детьми. Дело в том, что значительная часть рождений вне официального брака в России регистрируется «по совместному заявлению матери и отца» (%)*:

1988	1990	1995	1998	2000	2001
41,8	42,8	43,1	43,3	47,2	47,6

*Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А.Г. Вишневский. Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН, Центр демографии и экологии человека. М. 2002, с.51.

Данные для России в целом показывают тенденцию повышения этих показателей, (региональные данные, к сожалению, отсутствуют). Динамика роста доли рождений, признанных отцом, можно интерпретировать как повсеместное распространение нерегистрируемых брачных союзов. Причем, именно брачных, если речь идет о рождениях детей в этих союзах. Зарубежные исследователи называют такие союзы и отношения супругов в них «бракоподобными»¹⁹, что соответствует и отечественным определениям этого института.

Таблица 8.

Доля состоящих в незарегистрированном браке в 2002 г., все население
(на 1000 чел. данного пола и возраста, состоящих в браке)*

Возрастные группы	РФ		СФО		НСО	
	Мужчины	женщины	Мужчины	женщины	Мужчины	женщины
Всего в возрасте 16 лет и старше	103	102	154	151	132	133
16-19 лет	401	359	494	405	452	425
20-24	219	190	295	262	260	236
25-29	157	142	216	199	188	178
30-34	131	118	184	167	166	145
35-39	108	93	156	134	139	115
40-44	92	80	134	117	118	103
45-49	83	77	124	116	108	99
50-59	72	71	113	111	96	94
60 и более	58	62	99	104	80	87

* Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 2. М. 2004, с. 300-391.

Как видно, сожителство является не только молодежным феноменом, но высокая частота распространения в наиболее репродуктивных возрастных группах обуславливает и рост показателей внебрачной рождаемости.

¹⁹ Clarkberg M., Stolzenberg R.M., Waite L.J. Attitudes. Values and the Entrance into cohabitational versus Marital Unions// Social Forces, 1995, Dec., 609-631.

Брачность – процесс образования брачных пар – в демографии рассматривался как один из важнейших механизмов регулирования рождаемости. Теперь же, как ясно из проведенного выше анализа тенденций рождаемости, эти два демографических процесса становятся все более автономными и самоценными в социальном смысле. Т.е. в условиях эффективного внутрисемейного регулирования числа рождений характеристики брачности постепенно утрачивает свою функцию регулятора рождаемости.

За последние 35-40 лет в России выделяются два периода в процессе трансформации брачности²⁰. Первый из них – шестидесятые - восьмидесятые годы - можно охарактеризовать как период стабилизации показателей на довольно высоком уровне: брачность была ранней и практически всеобщей. В следующем периоде – 1990-е годы – происходит стремительное падение показателя до самого низкого значения в 1996 г. Снижение брачности происходило во всех основных возрастных группах, но наиболее заметным оно было в самых молодых. Распространение феномена нерегистрируемых браков естественным образом сказалось на тенденции снижения абсолютных и относительных показателей брачности. Но в конце 1990–х гг. эти показатели немного повысились в результате уже упоминавшейся «демографической волны». Показатели же разводимости в анализируемом периоде сохраняют тенденцию к росту. В целом, тенденции показателей брачности и разводимости по Сибирскому ФО и НСО практически не отличаются от общероссийской (табл. 9).

Таблица 9

Общие коэффициенты брачности и разводимости (на 1000 населения)

Год , Регион	Все население		Городское население		Сельское население	
	Браков	Разводов	Браков	Разводов	Браков	Разводов
1990						
РФ	8,9	3,8	9,1	4,4	8,3	2,1
СФО	8,8	3,6	9,2	4,7	8,1	2,0
НСО	9,0	3,9	9,3	4,6	7,9	2,0
1995						
РФ	7,3	4,5	7,6	5,3	6,5	2,8
СФО	7,0	4,3	7,4	5,2	6,3	2,8
НСО	7,0	4,5	7,3	5,2	6,2	2,5
2002*						
РФ	7,1	6,0	...	...	...	...
СФО	7,2	5,8	...	...	...	...
НСО	7,6	6,7	...	...	...	...

* С 1997 г. данные отдельно по городскому и сельскому населению не разрабатываются

Что касается возрастного профиля брачности, то здесь аналитики также отмечают «постарение» первых браков. Эта тенденция наблюдается практически во всех странах, население которых вступило в фазу второго демографического перехода, но в западноевропейских странах этот этап продолжается уже 30-40 лет, а в восточноевропейских странах она закономерно ускорилась в 1990-х годах. Причиной (особенностью) некоторого отставания России аналитики называют снижение возраста начала добрачных сексуальных связей в сочетании с невысокой культурой контрацепции (или недоступностью средств контрацепции в некоторых, например, сибирских, регионах).

В общей тенденции снижения брачности прослеживаются изменения и в процессе заключения **повторных браков**. В России, в Сибири (как и во всех европейских обществах) за последние 20-30 лет доля их в общем числе зарегистрированных браков нарастала: с 17% в 1979 г. до 28% в 1998 г. На рубеже веков эта тенденция (роста) приостановилась: в

²⁰ Иванова Е.И. Трансформация брачности в России в XX веке: основные этапы. / Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Тезисы докладов научной конференции. М. 2002, с.28-31

последние 5 лет наблюдается снижение доли повторных браков на 2-3 проц. пункта как у мужчин, так и у женщин. Весьма вероятно, что это связано с общей тенденцией стабилизации на низком уровне брачной активности населения. Тем более – с активностью в отношении регистрации повторных браков, во время которой средний возраст женихов и невест 32-35 лет (табл. 10).

Таблица 10

Средний возраст вступления в первый и повторный брак* Россия, 1979-1997.

Год	Первые браки		Повторные браки	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1980	24,3	22,5	34,3	33,0
1990	23,9	21,9	34,9	33,3
1995	24,2	22,0	34,6	32,9
1997	...**	...* *	...* *	...* *

* - Средний возраст рассчитан как средняя арифметическая взвешенная, где в качестве весов взяты возрастные коэффициенты вступления соответственно в первый и повторный брак (использована наиболее полная возрастная группировка распределения чисел браков, имевшаяся в официальной статистике в указанные годы)

** - Расчет показателей для 1997 г. и последующих лет невозможен по причине прекращения централизованной разработки данных по возрасту, в том числе одновременно по возрасту и очередности заключаемого брака.

О том, что среди супругов старших возрастов относительно высока доля сожителей свидетельствуют и данные переписи (табл. 8), и данные текущей демографической статистики (табл. 10)

Тенденция снижение брачности, как первичной, так и повторной в последние 10-15 лет зачастую объясняют трудностями адаптации населения к социально-экономическим трансформациям в России. Возможно, эти преобразования ускорили переходы на современные (европейские) модели брачного поведения. И поскольку траектория тенденций процессов формирования семьи в России и в Сибири, включая населения национальных округов, аналогична таковым во многих европейских обществах, то причинами их можно назвать существенные изменения в структурах жизненных ценностей, ориентаций в брачно-семейной сфере сибиряков и россиян – как молодых, так и людей старших возрастов.

3. Опыт изучения современных элементов трансформации рождаемости и брачности на микроуровне

Тенденции статистических характеристик изменения рождаемости и брачности показывают изменения, происходящие на уровне массового демографического поведения – макроуровне. В то же время эти тенденции отражают и изменения массового «демографического» сознания. Суть этих изменений – смена отношения людей браку как обязательной, практически единственной форме совместной жизни мужчины и женщины, к сексуальным отношениям, рождению и воспитанию детей, к разводам и пр. Для изучения изменений массового сознания в данной сфере нужны специальные, репрезентативные для региона обследования. Но и результаты пилотных исследований феноменов внебрачного материнства, сожительства, а также материалы массовых опросов, проведенных нами в сибирском регионе, позволяют сделать ряд выводов о состоянии здесь общественного «брачно-семейного» сознания.

Задача проекта по изучению внебрачного материнства состояла в попытке понять природу, причины и следствия распространения сожительства и сексуальных связей, приводящих к рождению ребенка вне официального брака. Исследование было проведено автором статьи в 1997 г. методом "life-story", т.е. изучая конкретные случаи, жизненные

истории, повседневные практики женщин-матерей внебрачных детей. Всего было опрошено 50 женщин – 30 жительниц гг. Новосибирска и Бердска, имеющих 35 внебрачных детей и 20 сельских жительниц, имеющих 29 внебрачных детей²¹. Полученные материалы дают картину, сходную с имеющимися статистическими данными о матерях и о самих детях, рожденных вне зарегистрированного брака 15, 10, 5 лет назад и в последние годы. А именно: чаще всего - это первые и единственные дети, родившиеся у уже немолодых женщин. Однако, что не фиксируется статистикой, но существует как факт – наличие полной супружеской семьи у 58 % опрошенных женщин, из них у 30 % - неофициальный муж является отцом ребенка. Уровень образования опрошенных женщин довольно высок - 56 % имеют высшее и среднее специальное образование и только 20% - восьмилетнее.

Анализ глубинных интервью дает основание сгруппировать истории-причины в четыре дискурсных типа:

- Внебрачное рождение как следствие распавшегося сожительства – 40% среди городских респонденток и 35 % среди сельских (негативный дискурс).
- Внебрачное рождение у женщин, не ориентированных на совместную жизнь с отцом ребенка (дискурс «ребенок для себя») - 23% среди городских респонденток и 25 % среди сельских. Большая группа этих женщин на момент опроса имели постоянного партнера – мужа или сожителя, т.е. полную семью – официальную (42%) или нет (26%).
- Внебрачные рождения в стабильном сожительстве (позитивный дискурс «полная семья») – 27% среди городских респонденток и 25% среди сельских. Отличительной чертой этой модели семьи является большее число детей, по сравнению с другими дискурсами.
- Рождения, зарегистрированные как внебрачные из-за овдовения или развода (по расчету) во время беременности женщины (дискурс «несчастные случаи» или «парадоксальные истории») – 14 % среди всех респонденток. Этот дискурс, по-видимому, является специфически российским, поскольку связан со сверхсмертностью мужчин в молодых возрастах, а также с особенностью жилищных законов и решением «квартирного вопроса».

Проведенное исследование дает основание для предположения, что главный мотив рождения ребенка женщинами, участвовавшими в интервьюировании - это стремление к материнству, к семейной жизни. При этом невступление в брак, рождение ребенка без мужа практически не осуждалось ни родителями-родными, ни другими социальными кругами. Более того, конкретные обстоятельства историй женщин-матерей, интерпретация влияния культурных и индивидуальных условий, предпочтений на репродуктивный выбор опрошенных женщин показывают (на данном материале), что выбор в пользу рождения ребенка (в 80% случаев первого и единственного) становится всё более социально одобряемым поступком.

Целью следующего проекта - **по исследованию феномена сожительства** - было выявление трансформации нормативов поведения людей по отношению к официальной регистрации брака (на примере жителей Сибири). А именно - выяснить, какие причины, жизненные обстоятельства лежат в основе распространения неофициальных супружеских союзов как в молодых возрастах, так и в старших. Исследование было проведено автором в 1998 г., имело разведывательный характер. *Объектом обследования* были супружеские пары, соответствующие всем критериям «брачной пары», кроме одного – отсутствием официально зарегистрированного брака. Опрошены пары «мужчина и женщина», совместно проживающие, ведущие общее хозяйство, воспитывающие или уже воспитавшие детей (общих или одного из партнеров). Важно отметить, что при исследовании феномена сожительства с точки зрения устойчивости институциональных семейных функций принципиальным критерием отбора совместно живущих пар является *продолжительность*

²¹ Выборка была составлена по данным Отделов пособий районных (городских и сельских) администраций о женщинах, получающих пособие на внебрачного ребенка (детей) .

совместной жизни. В данном исследовании этот временной показатель не должен был быть менее 1,5-2 лет. Эмпирический материал был получен методом *семейных историй*: глубинные полужформализованные интервью 85 чел., составляющих 43 официально не зарегистрированные брачные пары: 20 из них живут в сельской местности Сибири, 11 – в малом городе (Междуреченске), 12 – в крупном областном центре (Новосибирске). Выборка была сделана на основе анализа анкет в массовом опросе, проведенном в указанных городах под руководством Е. Горяченко и А. Михеевой. В результате анализа данных были прослежены процессы формирования брачной пары или семьи и выявлены некоторые общие черты их семейных «траекторий».

Средняя продолжительность совместной жизни у опрошенных пар 8,6 лет, при этом у 8 пар был минимальный стаж супружества – 2 года, но у двух – по 26 лет, а у самой пожилой (сельской) – 36 лет. Небольшой стаж сожителства респондентов не всегда означает малый супружеский опыт: только у 26 чел. из 85 это первый союз, а у 41 чел. – второй, у остальных – третий и даже четвертый (у 5 мужчин).

В семи семьях нет и не было детей (ни общих, ни «своих»). В остальных семьях в среднем по 2 детей, «общих» же детей у неофициальных супругов, естественно, меньше: нет таковых у 22 пар, один – у 14, двое – у 5, трое – только у двух сельских пар.

Полученные материалы дают некоторое представление как минимум о четырех типичных, повторяющихся ситуациях, которые можно назвать причинами откладывания, а зачастую и отказа супружеских пар от официальной регистрации своих отношений:

- «Сожители поневоле» – большая группа супружеских пар (12) с большим стажем совместной жизни, которые хотели бы зарегистрироваться, но не могут этого сделать по простой причине – один из партнеров состоит в другом браке, не может найти своего бывшего мужа/жену, не может получить согласие на развод;
- «Пробный брак» – так можно назвать совместную жизнь группы пар (7), у которых 2-3-летний стаж совместной жизни, но пока нет общих детей; в двух парах есть ребенок жены, но и в других парах есть уже однажды (и дважды) разведенные. Сельские молодые сожители уже имеют отдельный дом, небольшое хозяйство. Городские также, в основном, живут отдельно от родителей, некоторые снимают жилье. Причины откладывания регистрации, которые часто называют и женщины, и мужчины в этих парах – неуверенность в партнере, отрицательное отношение со стороны родителей, своих и партнера. И никто из партнеров, сознавая свою зависимость от родителей, по-видимому, не настаивает на регистрации брака. Другим аргументом откладывания брака здесь является отсутствие детей (беременности), но, как стало ясно из интервью с женщинами, они сознательно пока не заводят детей, «предохраняются, стараются».
- Третья группа сожителей (10 пар) – это по сути предыдущая, но с более продолжительным стажем совместной жизни. Супруги в этой группе уже имеют общего ребенка; у двух пар двое и трое общих детей. Сожители младших возрастов здесь также как и в предыдущей группе объясняют откладывание регистрации брака материальными проблемами, несамостоятельностью, зависимостью от родителей (чаще это мнение высказывают мужчины). Более старшие пары, в основном, сельские, живут давно самостоятельно, и, по-видимому, не придают значения своему официальному статусу. Практически все опрошенные этой группы высказывают большую удовлетворенность своей личной жизнью, со вниманием и пониманием относятся к партнерам. Окружающие – родственники, соседи, сослуживцы спокойно воспринимают их неофициальный семейный статус. Причем, сами сожители, особенно сельские, испытывают некоторое неудобство из-за разных фамилий с родными детьми, но и это они считают несущественным, по сравнению с хорошими отношениями в семье.
- «Последетное сожителство» – довольно представительная группа, состоящая из 14 супружеских союзов, которые образовались на «последетном» этапе жизни. Этот этап может наступить и у людей в возрасте 30-35-40 лет, в том случае, когда партнеры знают, что общих детей у них не будет (из-за состояния здоровья, разницы в возрасте). Но в

основном эту группу представляют пожилые горожане, дети которых уже выросли. Стаж совместной жизни опрошенных этой группы от 2-3 до 19-20 лет. Предшествующая брачная судьба людей этой группы не простая: большинство из них развелись, шестеро овдовели. Причины, по которым они не «расписываются» разные. Некоторые - по соображениям о разделе наследства - квартиры, дома, хозяйства. Другие – из-за неуверенности в партнере (при небольшой продолжительности совместной жизни). Третьи считают, что «стыдно под старость лет в ЗАГС ходить! Вот сраму-то будет!» (Пенсионерка, 58 л., вдова, стаж сожительства 3 года, гор.). Основные дела супругов в этой группе семей – забота друг о друге, о внуках, посильная помощь детям.

Как видно по материалам обследования, повседневная жизнь неофициальных супругов, живущих вместе продолжительное время, практически не отличается от повседневности тех, чей союз официально зарегистрирован. По-видимому, в российском обществе распространение феномена сожительства происходит на протяжении уже по крайней мере 30-40 лет. Возможно, что раньше оно было более распространенным явлением в сельской местности, чем в городской. Основанием для такого предположения могут служить истории сельских и городских сожителей с большим стажем совместной жизни, а также их воспоминания о таких же семьях (с разными фамилиями) своих бабушек и дедушек. Данные переписи 2002 г. подтвердили эти предположения на макроуровне (табл. 8).

По результатам этих проведенных разведывательных исследований можно предположить, что происходящие изменения – это процесс трансформации институциональной сущности семьи, соответствующей потребностям современного (сегодняшнего) общества. По существу это – модернизация, развитие института семьи, его современный этап.

В развитие идей и гипотез приведенных проектов были предприняты массовые эмпирические обследования, проведенные под руководством А. Михеевой в 2001, 2002 гг., в городах Новосибирск, Омск, Бердск. Опрошены мужчины и женщины в возрасте 20-50 лет (N-2001=464, N-2002=603). Из идентичных фрагментов массивов был создан объединенный массив данных (N = 1067).

Одна из основных задач этих проектов состояла в выявлении отношения городских жителей Сибири к сексуальным связям вне брака, к таким явлениям как сожительства, разводы, в выяснении мотивации регистрации или не регистрации брака современными сибиряками.

Данные опросов показали, что городские жители Сибири довольно лояльно относятся к сексуальным связям вне брака - как мужчин, так и женщин. Однако, распределение ответов «всегда плохо» и «почти всегда плохо» на вопрос о внебрачных сексуальных связях показывает, что респонденты все-таки дают негативные (строгие) оценки, и это чаще всего касается сексуальных связей самых молодых девушек и юношей - до 16 лет (табл.11).

Таблица 11

Доля негативных ответов на вопрос об отношении к внебрачным сексуальным связям (% , N=464)

	Женщины	Мужчины	Все опрошенные
Для молодых девушек (до 16 лет)	81	66	75
Для замужних женщин	75	54	66
Для юношей (до 16 лет)	51	66	57
Для женатых мужчин	46	58	51
Для молодых женщин до вступления в первый брак	45	25	36
Для молодых мужчин до вступления в первый брак	15	22	18
Для разведенных женщин	14	12	13
Для разведенных мужчин	8	11	10

Для выяснения мнений сибиряков о причинах существования незарегистрированных союзов, в анкетах содержался открытый вопрос. Разнообразные (неальтернативные) ответы на него были объединены в следующие группы и имеют примерно одинаковый удельный вес среди всей совокупности опрошенных (табл.12).

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос о причинах существования неофициальных союзов (% , N=464)

	Все	Мужчины	Женщины
Испытание взаимоотношений партнёров перед официальной регистрацией, "пробный брак"	23	10	36
Неуверенность в прочности союза, несерьезные отношения между партнерами, "чтобы избежать ответственности"	24	23	26
Стремление к независимости, большая легкость разрыва отношений в случае необходимости	23	33	13
Внешние (материальные) обстоятельства: нет денег на свадьбу, неустроенность быта; пособия и(или) льготы, которые прекращаются после официальной регистрации брака	16	27	7
Партнеры не видят необходимости в регистрации Брака, т.к. не считают это важным	23	20	26

Что касается мнения опрошенных о причинах официальной регистрации брака, то наряду с личностной мотивацией («любовь, уверенность в партнере») проявляются и внешние причины регистрации брака (юридические, «желание родителей»). Поскольку регистрация брака всегда являлась атрибутом социального контроля, то «давление» старшего поколения (родителей) сохраняется как значимый мотив следования общепринятым правилам – вступления в официальный брак (табл. 13).

Таблица 13

Мнения опрошенных о причинах заключения официального брака (сгруппированные неальтернативные ответы на открытый вопрос), %, N=464

	Все	Мужчины	Женщины
Любовь, уверенность в прочности отношений	43	37	48
Желание определенности отношений, наличие больших прав и обязанностей	36	39	32
Юридические причины - прописка, права на имущество, узаконивание ребенка, служебные интересы	32	39	26
Желание родителей, традиция, дань общественному мнению	25	21	28

Хотя макроуровневые показатели свидетельствуют о довольно высоком проценте неофициальных супружеских союзов, но городское население Сибири выражает предпочтение официально зарегистрированным союзам. В то же время можно считать, что на уровне общественного сознания в Сибири незарегистрированные супружеские союзы становятся нормальным явлением: и как додетный этап семьи, и как повторный супружеский союз – для людей в старших возрастах, не имеющих репродуктивных намерений.

Распространенность повторных семей обусловлена большой частотой разводов. Среди опрошенных горожан опыт развода имели 37 % женщин и 26 % мужчин (N=1067). О лояльности и даже о положительном отношении общественного мнения к разводам свидетельствует и распределение ответов сибиряков на вопрос об отношении к разводам (% , N=1067):

	Мужчины	Женщины
Вполне оправдываю, отношусь положительно	11	24
Отчасти оправдываю	19	23
Отношусь нейтрально	30	26
Не совсем оправдываю	25	20
Не оправдываю вовсе, отношусь отрицательно	15	7

Обращает на себя внимание дифференциация мнений мужчин и женщин²² по многим аспектам отношений в сфере брака и семьи (табл.10 и след.). Если говорить об отношении к разводам, то процент ответов мужчин и женщин, находящихся на противоположных позициях, различается более чем в два раза. Заметная дифференциация есть и в ответах на вопрос «Приходили ли Вам мысли о разводе?» (% , N=1067):

	Мужчины	Женщины
Нет, никогда	59	43
Да, в первые годы брака	5	14
В последнее время постоянно	3	6
Довольно часто	4	3
Когда возникают конфликты	29	36

Как видно, среди опрошенных женщин довольно высока доля таких, которые задумываются о разводе, и это происходит заметно чаще, по сравнению с респондентами-мужчинами. По-видимому, здесь сказывается общая неудовлетворенность семейной жизнью, ее «проблемностью», «двойной нагрузкой» для женщин. Действительно, в ответах на вопрос «Удовлетворены ли Вы в целом своей семейной, супружеской жизнью?» опрошенные женщины чаще, чем мужчины выказывают свою неудовлетворенность (% , N=1067):

	Мужчины	Женщины
Да	48	34
Скорее, да	37	37
Скорее, нет	7	18
Не удовлетворены	2	6
Затрудняюсь	6	5

Таким образом, данные проведенных социологических опросов подтвердили, что тенденции статистических показателей брачности, разводимости, рождаемости исходят из трансформации отношений людей к семье и браку, из приемлемости тех или иных их форм. Тенденции показателей рождаемости и брачности на макроуровне свидетельствуют о

²² В последнее время при анализе дифференциации по полу используют термин «гендерная дифференциация». Считаю, что использование этого термина в данном контексте не необходимо.

вступлении населения Сибири в режим второго демографического перехода²³. За этими количественными тенденциями стоят глубинные перемены демографического сознания населения Сибири. Косвенные социальные детерминанты второго перехода не так просто выявить – они затрагивают многие аспекты интимной жизни людей. Исследователи – демографы и социологи пока не пришли к согласию в этом вопросе, хотя многие считают, что эти детерминанты обусловлены воздействием индивидуализма в быстро меняющемся российском обществе. Жизнь индивида уже сейчас во многом определена его уровнем образования, мотивацией персонального развития, использования своего таланта, способностей. Это относится и к мужчинам, и к женщинам, которые одинаково стремятся к получению собственного дохода, к карьерным достижениям, экономической и социальной независимости. Но и интимные, чувственные аспекты частной жизни людей: сексуальные связи, супружеские отношения, брачные отношения, рождение детей, воспитание детей – становятся все более независимыми ценностями как для населения Сибири, России, так и для людей во всем мире.

Результаты проведенного анализа сибирских тенденций брачности и рождаемости на макро- и микроуровнях позволяют предположить, что эти тенденции отражают закономерную трансформацию социальных институтов брака и семьи (на глобальном уровне) и имеют практически необратимый характер.

---

²³ Анализ тенденций демографических процессов в национально-этнических районах Сибири, проводимый коллегами в ОИФИиФ СО РАН, также свидетельствует о завершении перехода населения этих районов на современный режим воспроизводства. См., например, Г.С.Гончарова. Браки, разводы и неполные семьи в Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири. Тематический сборник. Вып. 4, Объединенный институт филологии, истории и философии СО РАН. Новосибирск, 2001, с. 52-59, Она же. Этнически смешанные семьи и межнациональные браки в некоторых автономиях Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири. Тематический сборник. Вып. 3, Объединенный институт филологии, истории и философии СО РАН. Новосибирск, 2000, с. 139-145